

Лю Чанъань и Ан Нуань разошлись и медленно направились к мосту.

Река нежно шепчет, а закатное солнце полыхает огнем за горой Лушань. Только розовая пелена окрасила небо. Вдалеке улыбочивый портрет великого человека возвышается над Оранжевым островом, его глаза ласково смотрят. Он некогда учился и жил здесь и видел пожары и кровь. Теперь все построено заново.

Среди людей есть и великие, и ничтожные, и прекрасные, и уродливые... Он прожил всего сто лет, но сумел охватить всю историю человечества.

Люди называют себя эпическими героями, но с иной точки зрения, это всего лишь пьеса со своим зачином и развязкой.

Су Ши как-то рассказал:

В воде растет водная капуста, на ней плавают зерна горчицы, а к ним прицепились муравьи. Они в полном замешательстве, не зная, как выбраться. Вскоре вода испаряется, и муравьи оказываются на свободе. Завидев своих братьев, они заливаются слезами и восклицают: "Чуть было мы больше не встретились! Откуда вам знать, как огромен мир, в котором все устроено по квадрату и восьми направлениям?"

Я считаю, что жизнь и настроение обычных людей схожи с поведением муравьев. Интересно, есть ли все еще тот мифический феникс, что поднялся на девяносто тысяч ли и смотрит на меня из необъятных просторов мира?

Муравей он или нет, все равно он оставляет о себе память. Лю Чанъань никогда не смотрел с презрением на страх и беспокойство, присущие каждой горчице.

Ие Сицзинь как раз такой милый муравей. Лю Чанъань заметил, что после встречи с Цинь Янань его воспоминания об Ие Сицзинь оживают и всплывают в памяти. Чтобы полностью вспомнить все, ему может понадобиться многое испытать и прочувствовать.

Но нет нужды. Бесчисленные воспоминания копятся и скрываются в глубине моей души, защищая мой дух. Иначе они всплывали бы в моей голове постоянно, и я бы, пожалуй, сошел с ума от всей этой информации.

Вернувшись домой, Лю Чанъань подошел к изгороди и сорвал стебли тыквы. Это единственное, что осталось от стены вокруг дома. Под стеной высажены овощи, и они вьются по стене. Стебли тыквы, люфы, горькой дыни... недалеко от дома был установлен виноградник, и те, кто уже поужинали, сидели под его тенью, наслаждаясь прохладой и беседуя.

Сяо Лю, торопись закончить ужин и приходи бороться с бородой...

Конечно, я сейчас не могу сделать ставки на два стола для игры в маджонг.

Переход от весны к лету ослабляет и усиливает янский огонь, поэтому легко заболеть.

Немного побеседовав, Лю Чанъань пошел домой, собрал высушенный кориандр, подмел опавшие листья на крыльце дома и вымыл пол перед тем, как начать готовить.

Конечно, сегодня мы едим тыкву, без мяса, обжаренную с чили. Лю Чанъань прожил много лет на юге Хунани и привык к местным блюдам.

Жизнь на самом деле очень проста. Если не иметь сильных желаний и удовлетворять только необходимые, не будет и лишних переживаний и забот... Однако жизнь коротка, и не каждый может ждать так медленно, как Лю Чанъань. Медленное понимание того, как реализовать и наслаждаться желаниями в такой ограниченной жизни, является источником нетерпения в этом мире.

После душа он надел белую майку, черные льняные штаны, сандалии из соломенных стеблей и взял огромный веер из листьев камыша. Лю Чанъань отправился к виноградникам бороться с бородой.

Правила игры "бороться с бородой" похожи на маджонг, но вместо фишек используют карты. Комбинации и удвоения очков такие же, но сама игра проходит быстрее, чем маджонг. Лю Чанъань, разумеется, завсегда среди них.

Бороды должны были сосчитать, а деньги подсчитывались после достижения 100. Лю Чанган был молод и имел хорошее зрение, поэтому, конечно, он отвечал за счет, но старики и старушки тоже носили очки. Время от времени им приходилось проверять, писал ли Лю Чанган больше или меньше. Время от времени он смотрел перед собой через свои очки для чтения, бормотал, глядя на свои пальцы, чтобы подсчитать общую оценку.

Сяо Лю собирается сдавать вступительный экзамен в колледж, верно? У старика Цяня сегодня не было насморка, и его настроение было намного лучше. Это также связано с тем, что вчера вечером он один поел в трех ресторанах. Теперь он был настолько силен, что схватил Лю Чангана и начал стрелять в него.

Скоро. Лю Чанган улыбнулся, сдайте экзамен в любую школу.

Это нехорошо... После сегодняшней игры нужно как следует проанализировать. Вам не разрешается играть до вступительного экзамена в колледж. Старик Цянь сказал с беспокойством. Если вы не будете играть сегодня, игра закончится, так что просто проанализируйте тщательно с завтрашнего дня.

Проиграв всю ночь, старик Цянь сегодня проиграл.

Приходи завтра! Старик Цянь взял Лю Чангана за руку и сказал с гневом в глазах, очень неохотно.

Хорошо. Лю Чанган засмеялся и гордо пересчитал деньги.

Подождите! Старик Цянь тяжело фыркнул и ушел.

Лю Чанган с удовлетворением убрал восемь юаней, сложил столы и стулья и поставил их к стене. Эти столы и стулья не принадлежали никому другому. Много семей давно переместили сюда неиспользуемые столы и стулья, и никто их не забирал, просто как общественное развлекательное устройство.

Лю Чанган принес карты, шариковую ручку и зачетную книжку. Он упаковал их, а затем улыбнулся тени недалеко.

Цинь Янань не ожидала, что Лю Чанган обнаружит ее, поэтому она подошла.

Тетя Се из столовой дождалась окончания карточной игры. Она изначально планировала выключить лампочку, висящую на каркасе виноградной лозы, но, увидев эту ситуацию, быстро остановила руку и небрежно зевнула, держа в руках веер из листьев рогоза, время от времени отключая уголки глаз. Краем глаза он взглянул вбок.

Свет от большой лампочки был таким интенсивным, что тени были особенно четкими. Высокая фигура Цинь Янаня, казалось, делала даже тени необычайно высокими. На ней были черные кюлоты с завязанной на талии розово-красной лентой, что придавало ей легкое и огненное ощущение.

Цинь Янань закончил ужин в доме своего отца вечером, выпил с ним немного вина и рассказал кое-что о своем прадеде и Лю Чангане. Он чувствовал себя немного сбитым с толку и все больше и больше раздраженным.

Лю Чанган улыбнулся, как будто здороваясь, и пошел домой. Цинь Янань на мгновение ошеломленно замер. Сначала он хотел уйти, но теперь, когда он здесь, он не хотел ничего сказать или выплеснуть. Тогда он пошел следом.

Платан с редкими ветвями и листьями, холодный лунный свет и тихий двор напомнили Лю Чангану о стихотворении:

Пропавшая луна висит на редких деревьях тунга, что заставляет людей сначала затихать. Кто может видеть одиноких людей, приходящих и уходящих в одиночку, туманные и одинокие тени.

Удивленно оглянувшись, но никто не может избавить от сожаления. Выбрав все холодные ветки и отказавшись жить на них, одинокая песчаная отмель холодна.

Тысячи лет спустя ситуация поэта и его настроение в то время, естественно, отличались от настроения Лю Чангана, но некоторые эмоции были теми же.

Цинь Янань чувствовала, что спина Лю Чангана была немного одинокой, и это даже напомнило ей о том, как она впервые слушала Шестую симфонию Чайковского. Почему та музыка, спокойная, как вода, пусть и с небольшими веселыми волнами, называлась "Скорбь"? Позднее, слушая её ещё и ещё, взрослея, я поняла, что настоящее одиночество трудно описать другим. Это — спокойствие, когда накопилось много дыр в сердце, когда заново выстраиваешь предсердие. А спокойствие, как спокойная морская гладь — под ним скрывается течение ветра и грома.

На виду — грусть, в недрах — пафос. Лю Чанган повернулся и посмотрел на лицо, с оживлением воспоминаний ставшее более знакомым, он улыбнулся так же, как и раньше.

С семьей Цинь и семьёй Е у меня очень хорошие отношения, особенно я очень близок с вашей прапрабабушкой. Лю Чанган всё так же улыбался, взглянул на платан, на котором не хватало многих листьев, и сказал к удивлению Цинь Янань:

Цинь Янань сегодня разговаривала с отцом о Лю Чангане, но тот знал не намного больше, чем она. Её прапрадед имел в виду, что Цинь Янань должна чаще общаться с Лю Чанганом, а о дальнейшем они ещё поговорят.

О чём таком они ещё поговорят?

Когда дедушка умер, её отец ещё был в младенчестве. Его, можно сказать, вырастил именно прапрадедушка. Отец никогда не перечил прапрадеду. Цинь Янань прекрасно знала: если прапрадед чего-то захочет, отец сможет только безусловно поддержать.

Лю Чанган имеет отношение к её прапрабабушке? Но это представляется слишком далёким, не говоря уже о том, что о родственниках со стороны прапрабабушки, сколько Цинь Янань себя помнит, не было ни малейшего понятия и связи. Неужели наконец нашли какие-то кровные остатки со стороны прапрабабушки... То есть, Лю Чангана, и поэтому у прапрадеда появилась такая мысль?

Спасибо Вам за щедрое вознаграждение, я очень благодарна.

<http://tl.rulate.ru/book/106272/3785451>